

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМ И СВОБОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН: ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н. Е. Савенко, ne_amelina@mail.ru

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье на основе междисциплинарного подхода исследована категория «человекоцентризм». Акцентируется, что в рамках права человекоцентризм основывается на идеях гуманизма, свободы, морали, нравственности и составляет элемент конституционализма. Человекоцентризм представляет собой свойство какой-либо деятельности, процесса, в основе которых стоит человек и его частные интересы. Направленность в сторону личности порождает вопрос о сочетании и балансе частных интересов человека и публичных интересов государства, общества. На примере свободы экономической деятельности как возможности реализации выбора формы и вида экономической деятельности показано отражение человекоцентризма в конституционных нормах, обладающих декларативностью. При этом продемонстрировано, что нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, призванные развивать конституционные положения о свободе экономической деятельности, направленные на регулирование частных интересов граждан, не в полной мере обеспечивают указанную свободу, а, значит, не в полной мере соответствуют идеям человекоцентризма. С позиции проявления человеколюбия делается вывод о необходимости детализации форм и видов экономической деятельности граждан в нормах ГК РФ.

Ключевые слова: человекоцентризм, человеколюбие, гуманизм, свобода, право, справедливость, свобода экономической деятельности, предпринимательская (прибыльная) деятельность, доходная деятельность.

Для цитирования: Савенко Н. Е. Человекоцентризм и свобода экономической деятельности граждан: особенности частнопрового регулирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24, № 4. С. 74–80. DOI: 10.14529/law 240411.

Original article
DOI: 10.14529/law240411

HUMAN CENTRISM AND FREEDOM OF ECONOMIC ACTIVITY OF CITIZENS: FEATURES OF PRIVATE LAW REGULATION

N. E. Savenko, ne_amelina@mail.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article examines the category of "humanocentrism" on the basis of an interdisciplinary approach. It is emphasized that within the framework of law, humanocentrism is based on the ideas of humanism, freedom, morality, and morality and constitutes an element of constitutionalism. Humanocentrism is a property of an activity, a process based on a person and his private interests. The orientation towards the individual raises the question of the combination and balance of private interests of a person and the public interests of the state and society. Using the example of freedom of economic activity as an opportunity to realize the choice of the form and type of economic activity, the reflection of humanocentrism in constitutional norms with declarative character is shown. At the same time, it is demonstrated that the norms of the Civil Code of the Russian Federation, designed to develop constitutional provisions on freedom of economic activity aimed at regulating the private interests of citizens, do not fully ensure this freedom, and, therefore, do not fully correspond to the ideas of humanocentrism. From the position of humanitarianism, it is concluded that it is necessary to detail the forms and types of economic activity of citizens in the norms of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: human centrism, humanity, humanism, freedom, law, justice, freedom of economic activity, entrepreneurial (profitable) activity, profitable activity.

For citation: Savenko N. E. Human centrism and freedom of economic activity of citizens: features of private law regulation. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2024. vol. 24. no. 4. pp. 74–80. (in Russ.) DOI: 10.14529/law2404011.

«Сущность закона – человеколюбие»
(Уильям Шекспир)

«Свобода – это право делать все, что разрешено
законом»
(Шарль Луи Монтескье)

Человекоцентризм (человекоцентричность) (от англ. – human-centricity) является многомерной категорией, которая раскрывается через понятие «человеколюбие». Человеколюбие – это любовь к людям, гуманность [13, с. 867]; действия, направленные на благо других людей; человечность.

Человекоцентризму присущи гуманизм, свобода, мораль, ценности, нравственность, право и справедливость. Человек – часть социума, следовательно, социальная сущность человека выражается в его потребностях, мотивации, ценностях. Исследования человекоцентризма сосредоточены в основном с точки зрения социогуманитарных наук как социального явления. Так, например, о человекоцентризме в сфере политологии указывается, что «человекоцентризм берет свое начало в системе образования, которая должна быть подчинена формированию личности, способной к самоорганизации, генерированию собственного знания, что и предопределяет качество интеллектуальной автономности» [4, с. 76]. Ученые в сфере образования отмечают, что «человекоцентризм предполагает единство и сбалансированность личностно ориентированного и социально ориентированного подхода, личных и общественных ценностей» [10, с. 21]. С философской позиции отмечается, что «парадигма человекоцентризма» основывается на «концепции свободы и ее соотношении с нравственностью и правом» [1, с. 100]. Каждая отрасль научных знаний отражает свой угол зрения на человекоцентризм. В целом можно утверждать, что человекоцентризм – это свойство какой-либо деятельности, процесса, в основе и центре которых стоят человек и его частные интересы.

Относительно человекоцентризма в праве следует отметить, что прежде всего человекоцентризм исследуется учеными-правоведами из сферы теории права и конституционного

права. При этом в их исследованиях не формулируется дефиниция человекоцентризма, но раскрывается его сущность. Например, В. М. Шафиров указывает, что право с точки зрения человекоцентричности заключается в ценности человеческой жизни и бытия человека [17, с. 199]. Также Р. А. Клычев, говоря о Конституции Российской Федерации, акцентирует внимание на том, что «декларирование приоритета человека, его прав и свобод как высшей ценности созвучно с идеями христианства о гуманизме и включает требование о том, что человеколюбие и справедливость должны охватывать каждую отрасль права» [8]. Более того, концептуальные положения Конституции РФ развиваются в заданном ключе. Свидетельством тому являются внесенные Законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» дополнения в Конституцию РФ о том, что в России создаются условия для «благополучия граждан, взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1).

В этой связи человекоцентризм в праве рассматривается как элемент или свойство конституционализма, который представляет собой «единство гуманистических идей и принципов построения государства и практики их реализации» [9, с. 199]. В данном случае на поверхности возникает вопрос о сочетании и балансе частных интересов человека и публичных интересов государства, общества.

С позиции публичных отраслей права вносят свой вклад в исследование человекоцентризма ученые из уголовно-процессуальной сферы. Например, З. З. Зинатуллин и Ф. Ф. Зарипов, раскрывая гуманистическое и человеколюбивое содержание назначения уголовного процесса, утверждают, что нормы права об упрощенном уголовном процессе

«не согласуются с конституционными установками о защите прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 56].

С позиции частноправовых дисциплин исследований интересующего нас явления немного. Полагаем, что этому есть объяснение. Частное право, например, гражданское право, в силу своей исторической обусловленности, которую можно проследить в трудах классиков цивилистики (Д. И. Мейера [12], И. А. Покровского [14], Г. Ф. Шершеневича [18]), имманентно направлено на человека и гражданина с его частными интересами.

Так, Д. И. Крымский, исследуя человекоцентризм в гражданском процессуальном праве, отмечает, что технологическое развитие нашего общества повлекло «поворот к фигуре «пользователя судебной системы» [11, с. 176]. Действительно, отправление правосудия подверглось тенденциям цифровизации, и можно утверждать, что перевод процессуальных действий в цифровой формат направлен во благо граждан, призван упрощать процедуру общения личности с судебной властью. В этом плане цифровые тенденции демонстрируют проявление человекоцентризма. Однако, с другой стороны, технологическое развитие обезличивает человека. Поэтому в сфере гражданского процесса человекоцентризм «способен выступить ответом на вызовы обезличенного технократического общества» [11].

Предваряя речь о проявлении человекоцентризма в отношении обеспечения свободы экономической деятельности граждан, поясним основные моменты касательно категории свободы.

Свобода в общем понимании трактуется как «возможность проявления своей воли; отсутствие стеснений и ограничений для деятельности всего общества или его членов» [13, с. 693]. Относительно интерпретаций свободы Е. П. Губин указывает, что «какое бы определение мы ни выбрали, к какой бы позиции ни присоединились, все они едины в главном: без свободы деятельности невозможно постичь желаемых результатов и удовлетворять различные потребности личности и общества, в частности в сфере экономики. Свобода – это всегда возможность выбора одного из многих вариантов поведения в конкретных условиях...» [15, с. 68].

Свобода также присуща человекоцентризму. Подразумевается, что законодатель,

действуя во благо граждан, обеспечивает им свободу действий в определенных рамках. По Конституции РФ права и свободы граждан являются высшей ценностью (ст. 2). К числу прав и свобод гражданина отнесены различные социально-экономические права, составляющие правовой статус личности. В этой совокупности прав находятся и экономические права: свобода экономической деятельности (ст. 8), право каждого на использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельности (ст. 34), право на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии (ст. 37).

В настоящем исследовании наше внимание сосредоточено на свободе экономической деятельности, которую понимают как конституционный принцип и конституционную ценность [2, 16], экономическое право граждан и право на экономическую деятельность, элемент правового статуса личности [5, 6]. С позиции человеколюбия полагаем, что свобода экономической деятельности – это возможность выбора формы и вида экономической деятельности.

Конституция РФ декларирует свободу экономической деятельности, указывая в ст. 34 о праве каждого на использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельности. Иными словами, Конституция РФ с позиций человеколюбия декларирует свободу выбора вида (формы) экономической деятельности, но не приводит детализации ее видов (форм) и упоминает только о предпринимательской деятельности.

В развитие конституционных положений приняты нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Иерархическое первенство ГК РФ после Конституции РФ очевидно. Так, В. Ф. Яковлев называл его «экономической конституцией» [19, с. 153]. М. И. Брагинский указывает, что ГК РФ «занимает положение «первого среди равных» – *primus inter pares*» [3, с. 302]. При масштабном сравнении социалистического (советского) периода в России, при котором частного предпринимательства легально не существовало, с существующим положением дел относительно выбора форм и видов эко

номической деятельности следует отметить, что действующие нормы права в большей степени отражают идеи человеколюбия, чем нормы советского права. Однако при детальном исследовании частноправовых норм ГК РФ, очевидно, что они не в полной мере отражают идеи человекоцентризма в части обеспечения свободы экономической деятельности граждан. Сказанное подтверждается следующим.

Как известно, в предмет гражданского законодательства входят отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием (ст. 2 ГК РФ). Кодекс ведет речь только о предпринимательской деятельности и не использует категорию «экономическая деятельность». Представляется, что законодатель, возрождая частное право посредством принятия в 1994 году нового ГК РФ, сузил правовой режим свободной деятельности субъектов до предпринимательской деятельности, целью которой является получение прибыли. В ГК РФ ничего не сказано о доходной деятельности, представляющей собой вид экономической деятельности.

Согласно ст. 2, 23 ГК РФ для граждан установлен только режим индивидуального предпринимательства (с государственной регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или без таковой в отношении некоторых видов деятельности, которые до настоящего времени в законодательстве не определены (так называемая самозанятость)). С одной стороны, законодатель расширяет возможности реализации такого экономического права граждан, как занятие предпринимательской деятельностью, а, с другой стороны, сужает конституционную свободу экономической деятельности. Это объясняется тем, что внесение вышеуказанных изменений в ст. 2 и 23 ГК РФ было продиктовано идеей по выведению из налоговой тени граждан, которые не платят налоги с получаемых доходов от своей самостоятельной экономической деятельности (самозанятые граждане). Их деятельность является доходной, а не прибыльной, так как не в полной мере обладает легальными признаками предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ). При этом доходная деятельность не отражена буквально в ГК РФ. Полагаем, что в соотношении частных и публичных интересов наблюдается пе-

рекос в сторону публичных фискальных интересов.

Кроме того, неурегулированность в ГК РФ доходной деятельности граждан, отличной от прибыльной (предпринимательской) деятельности, влечет за собой неурегулированность положения таких лиц в иных нормах права. Например, нет ясности в нормах Закона от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП) в отношении субъектного состава продавцов, производителей, исполнителей. В их числе нет самозанятых лиц, осуществляющих доходную деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Следовательно, к самозанятым лицам не применимы нормы названного закона о повышенной ответственности перед потребителями (ст. 23, 28 Закона о ЗПП). С одной стороны, законодатель не возлагает на самозанятых лиц повышенных требований, а, с другой стороны, такое положение дел вне рамок человеколюбия по отношению к гражданам-потребителям.

Также относительно самозанятых граждан, осуществляющих доходную деятельность, не установлен четкий перечень видов экономической деятельности. С одной стороны, это свидетельствует о расширении для них свободы экономической деятельности. Однако, с другой – данное обстоятельство ведет к правовой неопределенности их статуса, что не отражает идеи человеколюбия.

И самое главное, что законодатель, исходя из положений ст. 2, 23 ГК РФ, искусственно причислив самозанятых лиц к индивидуальным предпринимателям, автоматически установил для самозанятых лиц режим «безвиновной ответственности» по п. 3 ст. 401 ГК РФ. Очевидно, что это не гуманно по отношению к самозанятым лицам, осуществляющим доходную деятельность без статуса индивидуального предпринимателя с ограниченными материальными и финансовыми ресурсами и в целях удовлетворения жизненных потребностей себя и своей семьи. В этой связи с точки зрения человекоцентризма есть необходимость в проведении законодательной дифференциации доходной деятельности и прибыльной (предпринимательской). Данная мера видится справедливой и будет направлена во благо самозанятых граждан.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Человекоцентризм – это свойство какой-либо деятельности, процесса, в основе и центре которых стоит человек с его частными интересами. В праве человекоцентризм рассматривается как элемент или свойство конституционализма, основанного на гуманизме. Человекоцентризму также присуща свобода. По Конституции РФ права и свободы граждан являются высшей ценностью (ст. 2). С позиции человеколюбия свобода экономической деятельности граждан – это возможность выбора формы и вида экономической деятельности с определенными справедливыми условиями.

Конституция РФ с позиций человеколюбия декларирует свободу выбора экономиче-

ской деятельности, но не приводит детализации ее видов (форм) и упоминает только о предпринимательской деятельности. ГК РФ, призванный развивать конституционные положения, с одной стороны, сужает свободу экономической деятельности, устанавливая только режим индивидуального предпринимательства для граждан. С другой стороны, расширяет эту свободу, предоставляя гражданам право осуществлять предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Все это в совокупности позволяет утверждать, что законодательство об экономической деятельности граждан не в полной мере отражает идеи человекоцентризма.

Список источников

1. Артемов В. М. Нравственное измерение свободы и права в контексте парадигмы человекоцентризма // *Lex Russica (Русский закон)*. 2015. Т. 101. № 4. С. 99–103.
2. Безрукова О. В., Романовская О. В. Конституционные принципы регулирования экономических отношений: монография. М.: Проспект, 2019. 192 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
4. Ваславский Я. И. Трансформация роли государства: от капитало- к человекоцентризму // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 4. С. 73–77.
5. Демиева А. Г. Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // *Ex iure*. 2020. № 2. С. 43–52.
6. Ежегодник Конституционной Экономики. 2019 / отв. ред. А. А. Ливеровский. М.: ЛУМ, 2019. 528 с.
7. Зинатуллин З. З., Зарипов Ф. Ф. Человеколюбие и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики государства // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016. № 3. С. 56–64.
8. Клычев Р. А. Проблемы взаимодействия социальных регуляторов общественных отношений и перспективы их конституционализации // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 5. С. 14–17.
9. Колотова Н. В., Сорокина Е. А., Варламова Н. В., Васильева Т. А. Конституционализм: национальное и наднациональное измерения. Всероссийская научная конференция с международным участием к 95-летию со дня рождения В. А. Туманова // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 195–210.
10. Кондаков А. М. Устойчивость к будущему. От датацентризма – к человекоцентризму // *Образовательная политика*. 2021. № 4 (88). С. 20–41.
11. Крымский Д. И. Человекоцентризм в гражданском процессуальном праве: возвращение к истокам в условиях вызовов современности // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 176–189.
12. Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2019. Т. 1. 848 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.
15. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е. П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.
16. Федоренко В. Н. Свобода экономической деятельности в Российской Федерации: понятие, пределы и ограничения // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 6 (131). С. 70–77.

17. Шафиров В. М. Право в человеческом измерении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3. С. 198–213.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.): в 2 т. М.: Статут, 2021. Т. 2. 894 с.
19. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2022. 252 с.

References

1. Artemov V. M. [The moral dimension of freedom and law in the context of the paradigm of humanocentrism]. *Lex Russica (Russkiy zakon) [Lex Russica (Russian Law)]*, 2015, Vol. 101. no. 4, pp. 99–103. (in Russ.)
2. Bezrukova O. V., Romanovskaya O. V. *Konstitutsionnye printsipy regulirovaniya ekonomicheskikh otnosheniy* [Constitutional principles of regulation of economic relations]. Moscow, 2019, 192 p.
3. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polo-zheniya* [Contract law. General provisions]. Moscow, 2001, Kn. 1. 848 p.
4. Vaslavskiy Ya. I. [Transformation of the role of the state: from capital to human centrism]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2023, no. 4. pp. 73–77. (in Russ.)
5. Demieva A. G. [The Civil Code as the basis of active economic activity]. *Ex jure [Ex jige]*, 2020, no. 2, pp. 43–52. (in Russ.)
6. Liverovskiy A. A. *Ezhegodnik Konstitutsionnoy Ekonomiki. 2019* [The Yearbook of Constitutional Economics. 2019]. Moscow, 2019, 528 p.
7. Zinatullin Z. Z., Zaripov F. F. [Philanthropy and humanism are the core dominants of the criminal procedure policy of the state]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess [Judicial power and criminal procedure]*, 2016, no. 3, pp. 56–64. (in Russ.)
8. Klychev R. A. [Problems of interaction of social regulators of public relations and prospects for their constitutionalization]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 2016, no. 5, pp. 14–17. (in Russ.)
9. Kolotova N. V., Sorokina E. A., Varlamova N. V., Vasil'eva T. A. [Constitutionalism: national and supranational dimensions. All-Russian scientific conference with international participation on the 95th anniversary of the birth of V. A. Tumanov]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2021, no. 12, pp. 195–210. (in Russ.)
10. Kondakov A. M. [Resilience to the future. From datacentrism to humanocentrism]. *Obrazovatel'naya politika [Educational Policy]*, 2021, no. 4 (88), pp. 20–41. (in Russ.)
11. Krymskiy D. I. [Humanocentrism in Civil Procedure law: returning to the roots in the context of modern challenges]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law]*, 2022, no. 4 (51), pp. 176–189. (in Russ.)
12. Meyer D. I. *Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. Moscow, 2019, Vol. 1, 848 p.
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, 1995, 928 p.
14. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow, 2020, 351 p.
15. Gubin E. P. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya* [Business law of Russia: results, trends and ways of development]. Moscow, 2019, 664 p.
16. Fedorenko V. N. [Freedom of economic activity in the Russian Federation: concept, limits and limitations]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]*, 2019, no. 6 (131), pp. 70–77. (in Russ.)
17. Shafirov V. M. [Law in the human dimension]. *Izvestiya vyshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie [Izvestia of higher educational institutions. Legal studies]*, 2004, no. 3, pp. 198–213. (in Russ.)

18. Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyam 1912 i 1914–1915 gg.): v 2 t.* [Textbook of Russian civil law: (according to the editions of 1912 and 1914-1915): in 2 vols.]. Moscow, 2021, Vol. 2, 894 p.

19. Yakovlev V. F. *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [The civil law method of regulating public relations]. Moscow, 2022, 252 p.

Информация об авторе

Савенко Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalya Ev. Savenko, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Justice, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 4 апреля 2024 г.

Received April 4, 2024.